

ТРАГИЧЕСКОЕ

Авторы: А. Ф. Лосев

ТРАГИЧЕСКОЕ, филос. и эстетич. категория, характеризующая неразрешимый конфликт, развёртывающийся в процессе свободного действия человека и сопровождающийся страданиями и гибелью важных для жизни человека ценностей. В отличие от печального или ужасного, Т. как вид грозящего или свершающегося уничтожения вызывается не случайными внешними силами, а проистекает из внутр. природы самого гибнущего явления, его неразрешимого самораздвоения в процессе его реализации. Диалектика жизни поворачивается к человеку в Т. её патетической (страдальческой) и губительной стороной.

Т. предполагает свободное действие человека, самоопределение действующего лица, так что хотя его крушение и является закономерным и необходимым следствием этого действия, но само действие представляет собой свободный акт человеческой личности. Противоречие, лежащее в основе Т., заключается в том, что именно свободное действие человека реализует губящую его неотвратимую необходимость, которая настигает человека именно там, где он пытался преодолеть её или уйти от неё (т. н. трагич. ирония). Ужас и страдание, составляющие существенный для Т. патетич. элемент, трагичны не как результат вмешательства к.-л. случайных внешних сил, но как последствия действий самого человека. В отличие от мелодраматического (вызывающего жалость, «трогательного»), Т. не может быть там, где человек выступает лишь как пассивный объект претерпеваемой им судьбы. Т. родственно [возвышенному](#) в том, что оно неотделимо от идеи достоинства и величия человека, проявляющихся в самом его страдании. Как форма возвышенно-патетич. страдания действующего героя, Т. выходит за пределы антиномии [оптимизма и пессимизма](#): первый исключается обнаруживающейся в Т. неразрешимостью коллизии, невозполнимой утратой того, что не должно было исчезать, второй – героич. активностью личности, бросающей вызов судьбе и не примиряющейся с ней даже в

своём поражении.

Т. имеет всегда определённое обществ.-историч. содержание, обуславливающее структуру его худож. формирования (в частности, в специфич. разновидности драмы – трагедии). Т. в античную эпоху характеризуется известной неразвитостью личного начала, над которым безусловно возносится благо полиса (на стороне его – боги, покровители полиса), и объективистски-космологич. пониманием судьбы как безличной силы, господствующей в природе и обществе. Поэтому Т. в античности часто описывалось через понятия рока и судьбы в противоположность новоевропейской трагике, где источником Т. является сам субъект, глубины его внутр. мира и обусловленные ими действия (У. Шекспир).

Др.-вост. философия, не доверяющая свободно личному началу (в т. ч. буддизм с его обострённым сознанием патетич. существа жизни, но чисто пессимистич. её оценкой), не разработала понятия Т. Античная и ср.-век. философия вообще не знает спец. теории Т.: учение о Т. составляет здесь нераздельный момент учения о бытии. Образцом понимания Т. в др.-греч. философии, где оно выступает как существенный аспект космоса и динамики противоборствующих начал в нём, может служить философия Аристотеля. С точки зрения аристотелевского учения о Нусе (Уме) Т. возникает, когда этот вечный самодовлеющий ум отдаётся во власть инобытия и становится из вечного временным, из самодовлеющего – подчинённым необходимости, из блаженного – страдающим и скорбным. Тогда начинаются человеческие «действие и жизнь» (подражание которым является сутью трагедии – см. «Поэтика», 1450 а) с её радостями и скорбями, с её переходами от счастья к несчастью, с её виной, преступлениями и расплатой. Этот выход ума во власть необходимости и случайности составляет бессознат. преступление. Но рано или поздно происходит припоминание или «узнавание» прежнего блаженного состояния, преступление уличается и оценивается. Тогда наступает время трагич. пафоса, обусловленного потрясением человеческого существа от контраста блаженной невинности и мрака суеты и преступления. Но это опознание преступления означает вместе с тем начало восстановления попорченного, происходящего в виде возмездия, осуществляющегося через страх и сострадание. В результате наступает очищение страстей (катарсис) и восстановление нарушенного равновесия ума.

Вычленение категории Т. и филос. осмысление её осуществляются в нем. классич. эстетике. Ф. [Шиллер](#), развивая идеи кантовской философии, видел источник Т. в конфликте между чувственной и нравств. природой человека («О трагическом в искусстве», 1792). По Ф. В. [Шеллингу](#), сущность Т. заключается в «... борьбе свободы в субъекте и необходимости объективного...», причём обе стороны «...одновременно представляются и победившими, и побеждёнными – в совершенной неразличимости» («Философия искусства», М., 1966. С. 400). Необходимость, судьба делает героя виновным без к.-л. умысла с его стороны, но в силу предопределённого стечения обстоятельств. Герой должен бороться с необходимостью – иначе, при пассивном её приятии, не было бы свободы – и оказаться побеждённым ею. Но чтобы необходимость не оказывалась победителем, герой должен добровольно искупить эту предопределённую судьбой вину, и в этом добровольном несении наказания за неизбежное преступление и состоит победа свободы.

Г. В. Ф. Гегель видит тему Т. в самораздвоении нравств. субстанции как области воли и свершения (см.: Соч. М., 1958. Т. 14. С. 365–389). Составляющие её нравств. силы и действующие характеры различны по своему содержанию и индивидуальному выявлению, и развёртывание этих различий необходимо ведёт к конфликту. Каждая из разл. нравств. сил стремится осуществить определённую цель, обуреваемая определённым пафосом, реализующимся в действии, и в этой односторонней определённости своего содержания неизбежно нарушает противоположную сторону и сталкивается с ней. Гибель этих сталкивающихся сил восстанавливает нарушенное равновесие на ином, более высоком уровне и тем самым движет вперёд универсальную субстанцию, способствуя историч. процессу саморазвития духа.

Гегель и романтики (А. В. [Шлегель](#), Шеллинг) дают типологич. анализ античного и новоевропейского понимания Т. Последнее исходит из того, что человек сам виновен в постигших его ужасах и страданиях, тогда как в античности он выступал скорее как пассивный объект претерпеваемой им судьбы. С. [Кьеркегор](#) отмечает связанное с этим разл. понимание трагич. вины в древности и в Новое время: в античной трагедии скорбь глубже, боль меньше, в современной – наоборот, поскольку боль связана с осознанием собств. вины, рефлексией по поводу неё.

Если нем. классич. философия, и прежде всего философия Гегеля, в своём понимании Т. исходила из разумности воли и осмысленности трагич. конфликта, где победа идеи достигалась ценой гибели её носителя, то в иррационалистич. философии А. [Шопенгауэра](#) и Ф. [Ницше](#) происходит разрыв с этой традицией, ибо под сомнение ставится само существование к.-л. смысла в мире. Считая волю безнравственной и неразумной, Шопенгауэр видит сущность Т. в самопротивоборстве слепой воли, бессмысленном страдании, гибели справедливого. Ницше характеризует Т. как изначальную суть бытия – хаотическую, иррациональную и бесформенную («Рождение трагедии из духа музыки», 1872). В 20 в. иррационалистич. трактовка Т. была продолжена в [экзистенциализме](#). Согласно К. [Ясперсу](#), подлинно Т. состоит в осознании того, что «...универсальное крушение есть основная характеристика человеческого существования» («Von der Wahrheit». Münch., 1947. S. 956). В духе философии жизни Г. [Зиммель](#) писал о трагич. противоречии между динамикой творч. процесса и теми устойчивыми формами, в которых он кристаллизуется («Конфликт современной культуры», 1918, рус. пер. 1923), Ф. А. Степун – о «трагедии творчества» как объективации невыразимого внутр. мира личности (ж. «Логос», 1910, кн. 1).

Литература

Лит.: Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961; Szondi P. Versuch über das Tragische. Fr./M., 1964; Kaufmann W. Tragedy and philosophy. Garden City, 1968; Domenach J.-M. Le retour du tragique. P., 1973; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975; Steiner G. The death of tragedy. New Haven, 1996.